

УДК 930(476)''19/20'':94:327((47+57)+430)''193/194''

С. Н. Рожкова

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПРИХОДА ГИТЛЕРА К ВЛАСТИ В БЕЛОРУССКОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье охарактеризована белорусская постсоветская историография советско-германских отношений 1933–1938 гг. Автор установил важнейшие положения и выводы, сделанные белорусскими историками постсоветского периода при изучении советско-германских отношений после прихода Гитлера к власти, определил их научную обоснованность.

В 1933 г. к власти в Германии приходит глава национал-социалистической партии Гитлер. 1933 г. становится годом перелома в советско-германских отношениях. С этого времени Советский Союз и фашистская Германия занимали по существу противоположные позиции по всем международным вопросам. Фашистская геополитика, выдвигая на первый план значение географического фактора в развитии человеческого общества и отдельных государств, провозгласила тезис о недостатке у немецкого народа «жизненного пространства». С приходом Гитлера к власти подготовка к агрессивной войне была возведена в ранг государственной политики Германии. Более того, из заявлений Гитлера следовало, что главный путь к достижению своих захватнических целей он видит в ликвидации государственной независимости народов СССР и их порабощении.

В белорусской постсоветской историографии историки активно изучают вопрос советско-германских отношений в межвоенный период. Д. А. Мигун в своем исследовании указывает, что Гитлер, придя к власти в 1933 г. начал борьбу с коммунизмом как злейшим врагом нацизма и поставил цель – уничтожение большевистской России для расширения «жизненного простора арийской нации» [1, с. 100]. Это означало коренное изменение политика Германии в отношении СССР и знаменовало собой завершение рапалльского периода в советско-германских отношениях. В. А. Космач отмечает, что еще до прихода к власти Гитлер вывел основной закон тоталитарного государства в «25 пунктах», которые стали официальной программой НСДАП, в том числе и в области внешней политики. Уже тогда звучал тезис о «жизненном пространстве» [2, с. 452]. И. В. Дубовец в своем исследовании по данной проблеме пишет, что в межвоенный период немецкое общество было заражено экспансионистскими идеями. Лозунг о «жизненном пространстве» на Востоке после поражения в Первой мировой войне стал составной частью идеологии Германии [3, с. 101]. Близкую точку зрения высказывает Л. Н. Кулеш. Он повторяет утверждение, что Гитлер, придя к власти, заявил о завоевании нового жизненного пространства. Нацистская идеология насаждалась в Германии во все сферы жизни общества. [4, с. 118–119].

Д. А. Мигун определил двойственную политику Германии в отношении СССР. Он указывает, что с одной стороны Гитлер поддерживал прежний курс по отношению к Советской России, а с другой – на территории Германии проводился террор и бесчинство в отношении советских граждан и учреждений. Несмотря на это, советское руководство готово было сохранить и продолжить сотрудничество с Германией. Исследователь констатирует, что с приходом к власти в Германии нацистов во главе с Гитлером, прекратилось германо-советское военное сотрудничество. Однако торгово-экономическое сотрудничество между СССР и Германией было продолжено. В качестве доказательства этого Д. А. Мигун указывает на предоставление Германией советскому государству кредита в размере 125 млн имперских марок. Торговые операции носили взаимовыгодный характер, резюмирует историк. В обмен на продовольствие и сырье СССР получал от Германии необходимое оборудование, в том числе для оборонной промышленности [1, с. 132–133, 137]. начале Гитлер решил проводить соглашательскую политику в отношении СССР, а потом применить силу [5, с. 171]. И. А. Литвиновский и Ю. И. Литвиновская акцентируют внимание на том, что Гитлер, придя к власти, одним из самых главных врагов считал Советскую Россию. Он решил установить новый порядок в мире военным путем, что было невозможно без разгрома СССР. В Германии для достижения этой цели началось быстрое наращивание вооружения [6, с. 239]. При этом, по мнению данных историков, Германия сохраняла заинтересованность в экономических отношениях с СССР: «Покупка сырья за счет валютных запасов и параллельное снижение приносящего валюту экспорта грозили крахом народному хозяйству». Это подталкивало Германию к тому, чтобы поддерживать товарооборот с СССР на высоком уровне. И. А. Литвиновский и Ю. И. Литвиновская определили причины сотрудничества Германии с СССР в 1930-е гг. Они пишут, что с одной стороны, Германия хотела восстановить статус

военной державы, а с другой – сделать немецкую промышленность незаменимой для Советской России. В рапальский период советско-германских отношений Германия занимала одно из ведущих мест в товарообороте Советского Союза, а в 1933 г. вышла на первое место. По мнению И. А. Литвиновского и Ю. И. Литвиновской, наращиванию советского импорта из Германии препятствовали постоянное отрицательное сальдо в торговле с Германией, необходимость рассчитываться за товары валютой или золотом, мировой экономической кризис 1929–1933 г., приведший к падению производства в капиталистических странах, способствовал уменьшению спроса на сырье [6, с. 240]. Все это способствовало накоплению негативных тенденций в советско-германской торговле. Советский экспорт начал сокращаться, отмечают ученые. На сокращение советско-германской торговли повлияло задолженность Советской России. При этом И. А. Литвиновский и Ю. И. Литвиновская отмечают готовность Германии идти навстречу Советскому Союзу, чтобы сохранять высокий уровень торговых отношений. Германское руководство продлило оплату всех советских долговых обязательств до 1935–1936 гг. В конце 1934 – начале 1935 г. германское правительство предложило Советскому государству перейти на безвалютную торговлю. Но советское руководство не поддержало эту идею, отмечают историки. В СССР считали, что компенсационный принцип приведет к сильной зависимости от немецких поставок, что было непреемлемо с политической точки зрения [6, с. 241]. С 1933 по 1939 г. товарооборот Германии и СССР снижался. В такой ситуации 9 апреля 1935 г. было подписано торговое соглашение между германским государством и Советским Союзом. По данному соглашению Германия предоставляла СССР новый кредит в 200 млн. марок на пять лет при 6 % годовых, а также договорились о дополнительных заказах СССР и Германии [6, с. 242]. Соглашение было подписано при задолженности Советской России перед Германией в сумме 240 млн марок.

Готовность Германии к развитию торговых отношений с СССР, по мнению И. А. Литвиновского и Ю. И. Литвиновской, резко контрастировало с развитием советско-германских политических отношений. Они указывают на то, что в Германии начались преследования советских граждан и учреждений. В Берлине открыто призывали к борьбе против мирового большевизма, а также говорили, что судьба Советской России предрешена. Гитлер открыто заявлял, что главным направлением его внешней политики является борьба с Советским Союзом. И. А. Литвиновский и Ю. И. Литвиновская считают, что антибольшевизм, разжигаемый среди населения Германии, не способствовал её сближению с СССР. Но до 1939 г. Гитлер не содействовал сближению с СССР и не мешал деятельности учреждений, налаживающих сотрудничество. Он стремился не довести ситуацию до полного разрыва отношений с советским государством [6, с. 243–244].

Д. А. Мигун в своем исследовании затронул вопрос о советско-германских отношениях в связи с попытками создания системы коллективной безопасности в Европе. Исследователь отмечает, что, придя к власти, Гитлер обнародовал свою программу, провозглашавшую целью создание нового порядка в мире. В связи с этим встал вопрос о создании системы коллективной безопасности. СССР в этой ситуации разработал свой план создания такой системы. Она предусматривала готовность СССР на определенных условиях вступить в Лигу Наций, чтобы заключить региональные соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии. В советском плане содержалось требование расового и национального равноправия. [1, с. 128–130]. Советское руководство призывало Лигу Наций принять решения, направленные на укрепление безопасности в Европе. В 1936 г. СССР внес предложение об укреплении и повышении эффективности Лиги Наций в борьбе с агрессорами, о превращении Лиги Наций в блок государств, заинтересованных в сохранении мира и объединившихся в целях взаимопомощи, констатирует Д. А. Мигун [1, с. 139]. Такая позиция СССР по вопросам безопасности не могла оцениваться в Берлине иначе как антигерманская.

Д. А. Мигун затронул проблему влияния гражданской войны в Испании на советско-германские отношения. Историк констатирует, что советское государство и Германия

оказались по разные стороны баррикад во время испанских событий 1936–1939 гг., так как оказывали военную помощь противоборствующим сторонам конфликта и таким образом влияли на события в Испании во время гражданской войны. Попытка советизации Испании советским руководством обернулась установлением в Испании фашистской диктатуры и изменением соотношения сил в Европе в пользу фашизма, где главную роль играла Германия [1, с. 139; 5, с. 171];

Д. А. Мигун обращает внимание на попытки советского руководства организовать международное противодействие агрессивным акциям Германии в Европе, в том числе с использованием механизма Лиги Наций. Он пишет, что в 1938 г. советское руководство обратилось к Лиге Наций с призывом остановить немецкую агрессию в отношении Австрии и Чехословакии, но все предложения СССР были отклонены. [1, с. 150]. Д. А. Мигун считает, что Германия, готовясь к развязыванию Второй мировой войны, опасалась вооруженного столкновения с СССР. Поэтому в декабре 1938 г. немецкое руководство предложило Советскому Союзу возобновить переговоры по поводу заключения торгового соглашения, которые были прерваны после аншлюса Австрии. При этом Берлин выразил готовность предоставить кредит СССР в 200 млн марок. Советское руководство согласилось на переговоры и выдвинуло требование о поставках СССР в обмен на сырье такого большого количества промышленных товаров, что это вызвало несогласие немецкого руководства, и переговоры были прерваны. Возобновились они только после подписания пакта о ненападении в 1939 г., отмечает ученый [1, с. 152].

При изучении советско-германских отношений Д. А. Мигун характеризует роль в них Советской Беларуси. По его мнению, после прихода к власти Гитлера в свете общего ухудшения советско-германских отношений, в германо-белорусских отношениях тоже наблюдается спад, прежде всего в экономической сфере. Но при этом сохранялись значительные контакты в культурной сфере. В 1933–1934 и в 1939 гг. в БССР были изданы стихотворения немецких поэтов Ф. Шиллера и Г. Гейне. В 1930-е гг. были переведены на белорусский язык произведения таких немецких писателей как И. Гёте, Л. Турека, Г. Мархвицы, Э Глезера, В. Бределя и др. [1, с. 153]. В. Л. Соколовский отмечает, что приход Гитлера к власти прекратилась деятельность ряда обществ и организаций, многие из которых содействовали укреплению белорусско-немецких литературных связей. Хотя в Германии продолжали еще существовать некоторые славистические журналы, направление их деятельности резко изменилось. Белорусские публикации исчезли со страниц немецкой периодической печати, констатирует историк. И только в Советской Беларуси по-прежнему широко популяризировались достижения немецкой классической, пролетарской и «прогрессивной буржуазной» литературы В. Гете, Г. Гейне, Ф. Шиллер, И. Бехер, Э. Вайнер и др. Переводы немецких классиков и писателей-эмигрантов в 1930-е гг. использовались как оружие идеологической борьбы с фашизмом, отмечает В. Л. Соколовский [7, с. 18].

В. Е. Снапковский, обращаясь к вопросу о роли Советской Беларуси в политике Германии после 1933 гг, отмечает, что в 1930-е гг. в германо-белорусских отношениях прослеживался застой. Белорусский вопрос не имел никакого самостоятельного значения для правительства Германии [8, с. 169]

Д. А. Мигун в своем исследовании затрагивает вопрос о нацистских планах по отношению к территории Беларуси. Он обращает внимание на то, что немецкое руководство, планируя оккупировать территорию Беларуси, считало необходимым изучить ее историю. Исторические знания должны были помочь подчинить белорусское население. Д. А. Мигун считает, что Германия планировала помочь народам, входившим в состав СССР, провести «национальные революции», что облегчило бы подчинение этих народов. Наука и культура стали средством реализации этих планов [1, с. 154]. С этой целью во второй половине 1930-х руководство Германии создало научно-исследовательские центры по изучению Востока. При Берлинском университете был создан институт изучения заграничных проблем, где был

создан белорусский сектор с библиотекой. Для служебного пользования государственных и военных кругов третьего рейха вышла брошюра «Беларусь и белорусы в большевистском освещении». Германия развернула пропагандистскую копанию о защите третьим рейхом национальных меньшинств, чтобы привлечь на свою сторону местное население, резюмирует Д. А. Мигун [1, с. 101–102, 105].

У. Ф. Лодысев и П. И. Бригадин подвергли изучению германскую политику по созданию «независимого государства» на территории Беларуси в межвоенный период. Они пришли к выводу, что после прихода Гитлера к власти часть белорусской интеллигенции путь к созданию независимой Беларуси видела в сотрудничестве с нацистской Германией. Доказательством этому является создание в 1934 г. Ф. Акинчицем и В. Козловским Белорусской национал–социалистической партии. Они хотели создать независимое белорусское государство в ее этнических границах опираясь на поддержку Германии [9, с. 185]. У германских нацистов они заимствовали основную идею: главные враги белорусов – это евреи и большевики. Белорусы должны освободиться из–под власти поляков и Советов и создать собственное государство, где будет свой язык и историческая символика. Инакомыслие будет жестоко подавляться. Все эти идеи излагались на страницах партийного журнала «Новы шлях» редактором Владиславом Козловским. В 1937 г. партия была запрещена польскими властями, и часть её членов во главе с Ф. Акинчицем эмигрировала в 1938 г. в Германию, где Ф. Акинчиц возглавил белорусское бюро немецкого Министерства пропаганды.

Таким образом, в белорусской постсоветской историографии историки определили сложный, противоречивый характер развития советско–германских отношений в 1933–1938 г. Ученые акцентируют внимание на том, что курс Гитлера на подготовку и развязывание агрессивной войны требовал быстрого развития военной промышленности. Это порождало заинтересованность нацистского руководства в сохранении экономического сотрудничества с СССР. Однако, как показали белорусские авторы, это сотрудничество сталкивалось с рядом проблем. По обоснованному мнению белорусских историков, острой конфронтацией отличались отношения между СССР и Германией в идейно–политической сфере. Они связывают это с нацистской политикой, направленной на завоевание «жизненного пространства». Современная белорусская историография подчеркивает стремление нацистского руководства Германии использовать в своих интересах национальные устремления части белорусской интеллигенции. Что касается отношений между Советской Беларусью и Германией в 1930–е г., то белорусские историки делают вывод о том, что в этот период они переживали застой. Белорусский вопрос в целом не имел существенного значения для правительства Германии, отмечают исследователи.

Источники и литература

1. Мигун, Д. А. Беларусь в германо–советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.
2. Космач, В. А. Адольф Гитлер и ранний фашизм в Германии (1889–1924 гг.) История. Суждения. Мнения. Оценки / В. А. Космач. – Псков: Логос, 2016. – 1117 с.
3. Дубовец, И. В. Государственная политика Германии с 1918 до 2–ой половины 1943 года в области производственно–хозяйственных правоотношений. Роль хозяйственных элит в государственном регулировании предпринимательских отношений / И. В. Дубовец // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно–культурные аспекты: материалы Международной научная конференция / под ред. В. А. Космача. – Витебск: МИТСО, 2009. – С. 101–104.

4. Кулеш, Л. Н. Общественная жизнь Германии в годы нацизма / Л. Н. Кулеш // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мінск: МДПУ, 2009. – С. 118–121.

5. Мигун, Д. А. Германо-советские экономические и политические отношения в 30-х гг. XX в. / Мигун Д. А. // Актуальные проблемы истории Нового и Новейшего времени (к 100-летию профессора Л. М. Шнеерсона) : материалы Международной научно-теоретической конференции. – Минск: РИВШ, 2012. – С.170–172.

6. Литвиновский, И. А., Советско-германские торгово-экономические отношения в межвоенный период (1921–1939) / И. А. Литвиновский, Ю. И. Литвиновская // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мінск: МДПУ, 2014. – С. 239–245.

7. Соколовский, В. Л. Белорусско-немецкие литературные взаимосвязи периода Веймарской республики (1919–1933): автореферат дисс. канд. фил. наук / В. Л. Соколовский. – Минск: Академия наук БССР, 1977. – 20 с.

8. Снапкоўскі, У. Е. Этапы развіцця беларуска-германскіх адносін у 20 ст. / У. Е. Снапкоўскі // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мінск: МДПУ, 2002. – С. 165–170.

9. Ладысеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін – Мінск: БДУ, 2003.– 308 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ